

Ирина Павловна Вахитова

Немые диалоги

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63021881
SelfPub; 2020*

Аннотация

Книга "Немые диалоги" представляет собой сборник повестей и рассказов о любви, которая никогда не бывает простой, именно поэтому она порой уводит героев в глубины поэзии, мистики; здесь сливаются бред, сознание и подсознание. В книге всё, как в жизни: никогда не знаешь, в какую яму провалишься или куда вознесешься.

Содержание

Диалог 1-ый. Шлейф небес	6
Диалог 2-ой. Придорожная	9
Диалог 3-ий. Петербургская сырость	11
Диалог 4-ый. Осенний плач	13
Диалог 5-ый. Солдатами не рождаются	15
Диалог 6-ой. Стекаю в Байкал	18
Диалог 1-ый. Не бойся меня, не надо	22
Диалог 2-ой. Заплети мне косички	25
Диалог 3-ий. Наваждение	28
Диалог 4-ый. Растаманский танец	31
Диалог 5-ый. Зимнее солнце на моих ладонях	34
Диалог 6-ой. Сумрачный блеск наших глаз	37
Диалог 7-ой. Взгляд из зазеркалья	39
Часть III Я забинтую свой последний поцелуй	43
Диалог 1-ый. Что такое «обожать»?	43
Диалог 2-ой. Безлюдно стоят одинокие стены	46
Диалог 3-ий. Сон с ножом	49
Диалог 4-ый. Эротизм без психоза	51
Диалог 5-ый. Молчание разбивается о посуду	54
Диалог 6-ой. Скомканный мир	57
Диалог 7-ой. Разговор со взломом	60
Диалог 1-ый. Чертог убитых	63
Диалог 2-ой. Две шаманки	65

Диалог 3-ий. Миф разрушен	68
Диалог 4-ый. Настасья Филипповна из квартиры № 66	72
Диалог 5-ый. Мимозные пятна	76
Диалог 6-ой. Голос из несуществующего далёка	80
Диалог 7-ой. Я перестал доверять сам себе	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Часть

I

Диалоги в осенних полутонах

Диалог 1-ый. Шлейф небес

Темнота в комнате. Немного света от монитора. Слышен неугомонный стук по клавишам. Маша с медведями надрывно поет о том, что бывает без НЕГО. Время потеряно. Почти остановлено. За две недели я получила писем столько, сколько не получала всю жизнь. 10, 20, 100 – целый ворох. Я всегда любила отвечать на письма, медленно и дотошно. В мою жизнь вошел новый ветер с сибирским гонором. Рига... Иркутск... Невероятно далекое и близкое расстояние.

– Саша... Саша!!! (Хм... Горькая ухмылка, взгляд в открытое асечное окошко. Все равно не услышит мой крик).

– Ну, что ты кричишь? Я всегда с тобой. Ира... Ириша... Слышишь меня? (смайлик).

– Хм... Слышу-слышу (смайлик), – голосом зайца из «Ну, погоди», – странно, что ты услышал мой внутренний крик. Ты не знаешь, будет ли мне еще когда-нибудь так хорошо и весело, как сейчас? Я так рада, что наконец-то сумела подключиться к этой программке.

– Обязательно будет.... Эээ... Ммм... Ну, не грусти. Сколько уж можно... Теперь ты знаешь, что такое аська.

– Ты говоришь странно. Легко на все соглашаешься. А я... А мне... Даже выразить не могу. Кстати... заразилась от тебя многоточиями и смайликами. Так часто многоточия. Я вижу прерывистую линию, словно слышу твое прерывистое дыха-

ние. Многоточия – это и пауза, и недосказанность. Теперь я тоже люблю этот знак.

– Это мой любимый знак... .. Когда-то давно придумал... так отмечать недосказанное... И как бы имитация разговора, не видишь же ничего – ни глаз, ни жестов. Я специально удлиняю многоточия. Мне мало трех странных точек! Рисую много: ..... Заметил, что иностранцы не ставят смайлики и не пользуются ими, видно, это наше, из России. Когда мы только познакомились, ты писала очень сухо...

– Ну, конечно, сухо... Да и не искала я тебя. Просто увидела снимок. Долго-долго смотрела на него, не могла оторваться. Голубой шлейф небес. Край неведомой горы. Загадочное слово «Ольхон». Шуршу по страницам Интернета, чтобы выяснить, что же оно означает. Оказывается, остров на Байкале. Странно... Там, вдали. И вижу твою подпись: маленький человек у горы – ДОЧКА. Ты очень любишь свою дочь?

– Да. Я счастлив уже только потому, что у меня есть ДОЧЬ. А ты разве нет?

– У меня тоже есть дочь, но я все равно почему-то грустна. Кстати... Помню, меня взбесило, что ты уже во втором письме прислал мне кучу своих фоток. Рассматривала их и думала, ну, надо же какой красавчик-пижон с белокурыми локонами и хитрым взглядом. И еще запомнились твои белые свитерочки под горло. Знаешь, я никогда не любила холеных смазливых мальчиков (Смайлик).

– Вроде меня? (Иронический смайлик).

– Вроде тебя. (Смайлик). А где твоя жена? Ты мне написал много писем, а про нее ни слова...

– Я давно распрощался с женательством... Ну, так вышло, устал тащить рога за собой. А дочку... себе оставил. Давно так решил, настоял на своем, а она и согласилась.

– Надо же... Ну и мамочка. Как же дочка без нее? Она вообще с ней не встречается?

– Ну, почему же... Раз в год на день рождения приезжает... Ты, кстати, про мужа тоже избегаешь говорить...

– Ну, мой никуда не делся. Но что о нем говорить и не знаю... Давай не будем об этом?

– Давай... Ира... Иришка... Я опять чувствую, что ты грустишь...

– Не грущу! Все кайф, чтоб вы знали... Мне пора... Не одергивай шлейф с небес, ладно?

(Только бы он не переспросил, что это значит).

– Не буду! Не грусти и не пропадай надолго.

Диалог 2-ой. Придорожная

Полна вкуса придорожной пыли. Собрана сумка. Завтра я буду слышать скрип колес и думать о городе, который с 18 лет меня знает и примечает. Черный пес Петербург.

– Ира! Ириша! Ты здесь? Видел тебя онлайн, хотел тебе написать... А потом ты быстро пропала. Знаешь... Я скучаю без твоих писем. Статистика есть у меня... Их уже больше сотни...

– Ну, мы ведь и так общаемся постоянно, правда? А я скоро уезжаю в Питер. Вообще обожаю куда-нибудь ехать. А ты?

– Да, я тоже. Но я мало где был... Помню, еще в школе летал в Питер. Поразил меня тогда этот серый город. Забавен его дух... Витает что-то в воздухе... Достоевский... Рок-н-ролл... Искусство. А Рига? Что витает в Риге?

– В Риге витает дух созерцательного одиночества. Одинокие башенки, усыпанные желтыми листьями, узкие улицы... Когда бредешь по ним, каждый шаг раздается в сердце гулким эхом. Аккуратно ступаю по булыжнику, слушаю удары сердца. Где-то вдалеке играет одинокая флейта. Часто попадаются люди, одетые слишком смело и экстравагантно... Множество маленьких ремесленных магазинчиков, куда просто приятно зайти посмотреть на кусочки янтаря или деревянные поделки. А еще я обожаю смотреть на волнение водной глади, гуляя через Вантовый мост. Но ты же понима-

ешь, что это моя Рига... А Иркутск? Это город, в котором обитают безумные Ирки? (Смайлик).

– Хы... Красиво сказала... Но город так назван по названию реки Иркут. Как бы две у нас реки тут – Ангара и Иркут. Ты так красиво про Ригу рассказала... И еще у вас тепло. А мне так не хватает тепла здесь. Вот сейчас октябрь, а у нас уже холодно, начинаются заморозки. Хочу к тебе... в Ригу... себя показать... на тебя посмотреть... А Иркутск – грязный город с покосившимися постройками еще со времен ссылок в Сибирь... Как сама понимаешь, дальше Сибири не высылали... Не знаю, кто может гордиться сим городом...

– Значит, уезжаешь скоро... Как же я без тебя, милая рижанка... (Смайлик).

– Меня ждет придорожная пыль. Обожаю мечтать в поезде под стук колес. Мне кажется, что я видела тебя, когда смотрела за окошко... вдаль на проносящиеся кустики и фонари. Думала, фонарь мне кивнул, а это был ты. Ведь, правда, ты?

– Да...Ириша... Это я... (Смайлик). Хорошо мне... Счастлив я и жив твоими письмами–разговорами. Не уезжай надолго. А там не будет у тебя Интернета?

– Нет, не будет. Хочешь, я позвоню тебе. Дашь мне свой номер?

– Непременно. Только не забывай про разницу во времени.

Диалог 3-ий. Петербургская сырость

Холодно и промозгло. Снова я в загадочном городе в сером. Витебский железнодорожный вокзал. Громко слышно, как объявляют прибытие и отбытие поездов. Никак не могу дозвониться... Гудки... оборвались провода... Ну, пожалуйста, пожалуйста... Услышь меня... Так хочу... Дзинь...

– Да. Я слушаю...

– Здравствуйте, я могла бы поговорить с Сашей? – сильно заметна дрожь в голосе.

– Это я, – незнакомый голос тихо и вкрадчиво доносится до меня. Почему-то я представляла, что он будет звонким и быстрым. Однако, темп речи его был нетороплив, по голосу я бы дала ему лет 30.

– Саша... Саша... Даже не верится, что я слышу тебя. Я сейчас в Петербурге, на вокзале, звоню из телефонной будки, – невольно сняла с себя шарф, накинутый на голову и прижала его к груди.

– Как жаль, что я не могу быть в Питере... Иришка... Ты там... Как доехала?

– Ты знаешь, у меня по приезде украли почти все деньги. Ни на билет, ни на что нет.

– Как украли? Может, тебе что-то надо? Прислать? Как же ты мне звонишь? – тревога в голосе. *(Надо же... за меня тревожится).*

– Нет, ничего не надо, спасибо. Меня выручили друзья. Я им потом отдам. Вот. Красиво тут и холодно. Сегодня гуляла по огромным улицам и мостам. Я же говорила, что у нас все по-другому. Расстояния маленькие.

– Я так скучаю по тебе. От скуки тут писем тебе понаписал. Потом считаешь, – слышно, как едва засмеялся.

– Надо же, я слышу твой смех. Вроде бы все замечательно, но, когда я представляю, что мы никогда не увидимся, хочется плакать.

– Да ну, брось ты, увидимся, обязательно! На фотографиях ты выглядишь серьезной дамой в пальто... А по голосу я бы тебе дал не больше 22 лет.

– Сейчас закончатся минуты... Так жаль...

– Целую тебя... Ммм...слышишь, как бы я это сделал? – слышен смех.

– И я тебя.

Диалог 4-ый. Осенний плач

Сине-серая Рига. Бесконечный дождь, стекающий по моему лицу. Открываю свою почву. 14 писем от Саши. Прочитала все.... Работать невозможно. В голове только мысли о нем. И обрывки его фраз...

«Я не могу дождаться, когда ты приедешь...» «Я устал тебя ждать...» «7 дней, как это много...» «Вот сейчас у вас утро... Наверняка ты встала, еще сонная. Чистишь зубы. Как бы я хотел притянуть тебя к себе... Как бы я... хотел... нет... не умею выразить свои мысли...»

Убежала с работы. Последнее время редакция действует на меня отталкивающе. Писать про крыс и дератизацию? Устала... Долго шла по мосту. Никак не могла успокоиться. Опять вечер, от каждого визга машины легонько вздрагиваю. Телефонная будка. Верчу в руках карточку за три лата.

– Я слышу твое дыхание... Не молчи... Ира... Ира, ведь это ты? – тупо набрала номер, чтоб только услышать его голос.

– Ты меня узнал. 7000 км. Почему ты в Иркутске? Я ненавижу свою Ригу, – пытаюсь удержать последний кружащийся надо мной лист.

– Глупая, у тебя же теплый и красивый город. Вчера смотрел фотографии твоего города – прелесть. А Иркутск... Ни-

когда мне не нравился мой город. Почему ты плачешь? – еще тише прозвучал его голос. *(Я представила, как он старается никого не разбудить дома, ведь у них почти ночь).*

– Я не плачу. Это осень расплакалась за меня. У меня все хорошо. Я люблю подбрасывать вверх желтые листья, как слезливые осколки мыслей. *(Темное-темное небо опустилось ко мне на ладони, я утешилась, я слышала его голос).*

– Милая Иришка! Не плачь, а то я сейчас возьму в руки бубен и стану шаманить тебе радость. Слышишь: бум-бум-бум... Я не могу громче. Здесь все спят. Ты улыбаешься. Я чувствую. Возьми меня в свою осень. Желтые листья на синем фоне неба – это же красиво. Какой у тебя приятный голосок, не плачь, обещай мне не плакать. Обещаешь? – как тихо влился в вечер его голос.

Телефонная будка, где-то там шумят машины. Виден вантовый мост. Но меня нет в Риге. Я в вечной мерзлоте Иркутска. Позвал бы сейчас. Улетела бы по-птичьи, пусть неумело. Я же декабристка.

– Угу. *(Я действительно верю тому, что обещала ему).*

– А ты сейчас на улице? Чертовщина, я здесь слышу за тысячи километров отчетливо-назойливое гудение машин, машин твоего города.

– Да... Слышишь... Я ухожу... И больше не плачу...

Диалог 5-ый. Солдатами не рождаются

Осень раскачивает окно. Тихо ударяются слезинки дождя. Снова вечер.

Долго смотрела вдаль. И представляла себя в роли медсестры, которая во что бы то ни стало должна доползти до пункта назначения и доставить раненого. Я обязательно буду там... Играл песня Алексея Паперного: «Сердце великое, сердце открытое там... там...»

Иногда кажется, мы все там.

– Когда-то давно я смотрела старый фильм про войну. Там была девушка со странным именем... Не могу вспомнить... – проваливаюсь в глубины памяти и ищу там ответ.

– Ее Кимка звали, так? – вижу перед собой смеющиеся строчки.

– Точно! Я еще ничего не сказала, а ты уже все за меня вспомнил. У меня ощущение, что у нас с тобой что-то похожее. Что-то невозможное...

– Я не хочу, чтобы так было. Его ведь убили, а у Кимки остался от него ребенок... Я не хочу, чтобы меня убили.

– Я тоже не хочу. А помнишь, как они встретились во время войны, и он ей сказал, что когда-то мечтал о ней и хотел ее потрогать там, где нельзя. И Кимка в отчаянии произнесла: «Ну?! Где нельзя? Вас убивают. А мы остаемся. Теперь

все можно!» Тебе тоже можно, Саша. Я очень тихая, я так тихо-тихо нашептала тебе, – подняла глаза в ожидании новых букв.

– Что значит «можно все»? Ты – далеко. В загадочном теплом городе. Представляю тебя сейчас лежащую на траве. Пустынно. Ты и я. Мы оба на теплой траве.

– Тебе можно все, ты понимаешь это? Просто забери меня, и ты узнаешь, как это...

– Да ладно, ползи ко мне по-пластунски, я тебя встречу (Смайлик). *(Наверное, он сейчас улыбался).*

– И тебе – многое можно – когда близко... запросто... Хотя не понимаю до конца – многое – это как... и что (смайлик), но все равно можно!

– Но я же буду вся грязная. Ты бы поднял на руки меня грязную? – это уже кокетство.

– Да! Не сомневайся в этом. Ты самая милая и желанная. *(Вера расположилась со мной в комнате и взяла меня за руку).*

– Представь, что я – медсестра. Мне надо тащить на себе больного. Вот думаю, что не смогла бы я. Однажды мне пришлось тащить на себе пьяное тело. Я еле-еле с ним три шажка сделала, но в комнату его затащила, – зачем мне это все помнить?

– Какой ужас... Почему у милой и красивой Иришки такие ужасные воспоминания? Чего-то я не понимаю в этой жизни... Не понимаю... Хочешь, я буду твоим солдатом,

только не раненым, а целым и невредимым? Тебе не надо будет меня тащить.

– Ты уже мой солдат. Ты бы знал, как мне сейчас весело и хорошо, – умиляет каждый вздох вечера.

Диалог 6-ой. Стекаю в Байкал

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.*

Моя мечта – сидеть на берегу странного озера Байкал, смотреть не на воду, а в глаза человека, в которых отражается переменчивая жизнь самого глубокого водоема.

– Расскажи еще про Байкал... – рассматриваю присланные фотографии с острова Ольхон.

На них Байкал мечтает по-человечески, на них священное озеро заговорщицки зовет и манит.

– Как про него рассказать? Вот приедешь, сама все увидишь... – услышала тихий зовущий шепот... Из радуги свет. Ты вечно со мной... Но в тебе меня нет...

– Как же я приеду?! Это же утопия. Ты веришь, что я приеду? – все еще неслышно роняю тоску в свой бокал за звенящим шепотом.

– Конечно, верю! Только надо подумать, когда ты приедешь.

– Меня никто не отпустит. Ты знаешь, со мной ведь самые нелепые истории приключаются в дороге. Помнишь, как в

Питере у меня все деньги украли? Меня разве что в багажник надо поместить, чтобы я доехала, – смеюсь, вспоминая все авантюры.

– Не волнуйся! Я тебя встречу! Все будет хорошо. Если что в багажник самолета поместят, чтоб целее была (Смайлик).

– Ты смешишь меня, как всегда. Я уже забыла, когда мне грустно было в последний раз.

– Смотрю на твою фотографию, где ты лежишь в желтых листьях. Какая потрясающая у тебя улыбка. Как весело ты смеешься. Возьми меня к себе. И будет идти дождь из желтых листьев.

– Запросто. У нас все еще тепло. И трава зеленая. Я тоже часто смотрю на твои фотографии, ты везде такой разный. Хитрый и красивый. И где-то там за твоей спиной искрится вода Байкала. Я видела во сне – не то зеленая, не то серая. Не то голубая. А она какая?

– Ты приедешь, и она примет твою форму, именно ту, которую надо тебе.

Диалог 7-ой. Есть ли справедливость?

Раннее осеннее утро. Стены недостроенного дома напротив моего окна особенно тоскливо смотрят на меня. В доме нет никого. Только я и моя мечта за стеклом.

В голове диалог из фильма «Небо. Самолет. Девушка»:

Она: Я так тебя люблю. А ты? Ты любишь меня?

Он: Да.

(Она три раза повторяет одно и то же).

Потом сцена меняется.

Он ей:

– Я так сильно тебя люблю. Не люби никого, кроме меня, а то я умру.

Она: Справедливость все-таки есть!

– Ты смотрел фильм «Небо. Самолет. Девушка»? – передо мной фотография, на которой он смотрит искоса, выглядывая из-за пригорка. На кого же он так смотрит?

– Да, смотрел недавно. Забавный фильм. Девушка там смешная.

– Она чем-то на меня похожа. Я тоже безумная, – ты бы знал, как я сейчас хохочу.

– Ой, неужто, прям, как она? Она там как-то жеманно говорит и смеется. Ты на нее похожа?

– Нет, что ты. Я безумная, но по-другому, совсем по-другому.

– Ой... а то я уже было испугался... Что ты такая же... А какая ты?

– Я? Ой, все не то. Я все время перечеркиваю написанное. Нет, я не медленная и не жеманная, я наоборот очень звонкая. И еще я умею только бурно радоваться или очень сильно грустить. Понимаешь?

– Это как? Среднего не бывает?

– Почти никогда. Мой мир как в романе Набокова «Защита Лужина» распадается на черные и белые квадратики.

На мир я смотрю исключительно так, иногда эти квадратики меняют цвета, но их по-прежнему только два. Помнишь, странная девушка из фильма спрашивала о справедливости?

– Нет, не помню. Зачем тебе справедливость? Нет ее.

– И все же скажи мне: справедливость все-таки есть?

– Не ищи ее. Нет ее.

– Саша! Услышь меня, мне это очень нужно, скажи мне: есть все-таки справедливость?

– Нет. Я тебе говорю, что ее нет! Понимаешь?

– Нет, я никогда этого не пойму... Мне хочется плакать.

– Иришка, милая Иришка! Не плачь из-за справедливости. Не плачь.

– Я плачу по другим причинам.

– Почему ты так часто плачешь? Почему никогда не говоришь о муже?

– А зачем? Тебе оно интересно? И у нас с мужем справедливые отношения.

– Опять я чего-то не понимаю. Когда-то давно придумал я себе, что любовь и все такое – это то, ради чего стоит жить, а жить без нее... не понимаю...

–Я тоже... Не хочу об этом говорить.

Часть

II

Не испугай радостных птиц

Диалог 1-ый. Не бойся меня, не надо

Раннее утро. На улице белым-бело: первый снег и зеленые листья – сочетание дикое. В доме чисто и прибрано. Спешить никуда не надо. Я больше не работаю. Надоело. Хочется тратить время на другое. Глянула на себя в зеркало. Рыжие волосы в ассиметричной стрижке. Еще ярче выделяются зеленые глаза. Когда-то в детстве я хотела, чтобы мои светло-карие глаза стали зелеными. Они послушались меня. Черный облегающий свитер и черная облегающая юбка. Мягкой тенью нарисовался силуэт. Наглый взгляд светлых глаз. Светлые волосы. Очень красивое лицо. В лице едва угадываются черты жителя северных народов. Взгляд на каждой фотографии кажется иным. Что-то шаманское сквозит в его фигуре.

– Саша, я тебя иногда боюсь. Сильно. Страх какой-то странный у меня. Сродни восторгу.

Меня действительно охватило странное ощущение, как будто трясет как в лихорадке.

– Не бойся меня... Буду использовать тебя исключительно в мирных целях, когда все можно... ты же сама говорила, что нам можно все! (Улыбаюсь...) Самые страшные слова «можно» и «нельзя».

– Именно это и пугает. А тебя? По телефону ты как будто меня боялся, – скользнула ироничная усмешка.

– Да не боялся я... Чего бояться-то? Серьезно же разговаривал. Просто удивлен был, что ты позвонила.... Не пугаешь ты меня абсолютно...

– А что тебя может испугать?

– Пугают меня только сильно пьяные девушки... убегаю я от них (смайлик). Все... а ты... ты... тебя я обожаю (Смайлик).

– Смешной (смайлик), я говорю серьезно. От моих звонков никто не в обиде?

– Да ну, брось ты... Я же один с родителями живу. Никто не в обиде... от звонков... ТВОИХ! Млин... (это то же самое, что «блин», но как-то смотрится мягче, сам придумал) Как же милы твои звонки... Долбаные тысячи километров...

– Помнишь у Цветаевой... Нас расставили, расселили по двум разным концам земли... Как-то так...

– Рас-стояние: версты, мили...

Нас рас-ставили, рас-садили,

Чтобы тихо себя вели

По двум разным концам земли.

– Неужели ты помнишь эти стихи? Никогда не встречала мужчину, цитирующего стихи Марины Цветаевой.

– Так я же необычный... Я редко цитирую, но это знаю... В основном, прозу читаю. Сартр, Достоевский, Камю и др. А ты?

– Еще более удивлена... Я тоже в свое время очень любила этих же авторов. Еще Мисиму, Павича. Черт... что ж так

холодно... «Члены стынут...»

– Люди ходят мимо, отсутствует душевный покой (Смайлик). Так?

– Ха! Веселюсь уже. Коварный тип. Ты читаешь мои мысли? Почему ты все знаешь, что знаю и люблю я?

– Да ничего особенного... это ж «Зоопарк» (смайлик), недаром он у меня в топе на втором месте... много слушал сие...

– А чего еще ты слушал? Я когда-то панком увлекалась...

– Хы... Да я тоже... Даже на Летова слушать-смотреть ходил...

– Я бы тоже на тебя слушать-смотреть пошла... Просто тронуть за руку и заглянуть в глаза...

– А чего в них глядеть...

– .....

– Ты чего?

– Сама не знаю...

– Не бойся меня... не надо... я тоже тебя боюсь (Смайлик).

– (Три смайлика).

– Чмок тя ...

Диалог 2-ой. Заплети мне косички

За день пришло несколько смсок из Интернета от Саши.

«Милая рижанка, когда же ты уже проснешься...» «Вот сейчас у вас 7 часов утра, ты встаешь, полусонная, милая, смотришь на темную улицу». Пиши мне скорей. В нетерпении ждала, когда же муж уйдет на работу... Моя раздражительность и нервозность чувствовалась на расстоянии. Белый таракан... не спеша в белом челноке... по белой стене... Саша... ради Бога... не пиши больше... Я не выдержу. Наконец-то бросаюсь к компьютеру – нервно слезю за огоньками, выплывающими на экране слишком медленно. Нет Интернета. Звоню провайдеру... Минуты кажутся бесконечными и тягучими... Все... Есть.. Саша... ты есть. Ты живешь за стеклом.

– Ириша... когда же ты подключишься к yahoo messenger'u? Я так устал ждать тебя... И веб-камеры у тебя нет? А так бы мы смогли бы друг друга увидеть. Мне с каждым днем тебя не хватает все больше.

– Мне тоже... Но ты же знаешь, я могу с тобой общаться только тогда, когда рядом нет мужа.

– Черт... Как ты там живешь? К чему тут ревновать... Не понимаю.

– А ты не ревнивый? Ты бы не ревновал свою девушку к такому общению?

– Я полагаю, неревнивый я... все люди – свободны – и – в отношениях у людей должна быть республика... но может что-то в душе и скребется ревнивое, но гасится мною... каждый выбирает свой путь... и ежели по пути – час – неделю – год – всю жизнь /кто сие может знать/... то значит... и по пути вместе... нет – так нет... (настаиваю на «тире», хочу именно такой знак использовать, не пугайся) хотя... наверное... в душе все равно что-то ворочается... Во... понаписал... (Смайлик).

– Интересно. А я ревнивая очень. Только прямо я, конечно, не покажу. Но в душе буду выть белугой. Что-то как-то нехорошо мне сейчас...

– Что такое? Не болей... Аккуратнее, бесконечно милая Иришка... беспокоюсь...

– Да... так мне еще никто не говорил. Тебе бы писателем быть (Смайлик).

– Нет... я всего лишь «рисователь», а написать никогда толком ничего не мог. А вообще я тут один такой дизайнер – в конторе сижу. Сейчас с веб-камерки тебе снимков наза-сылаю.

– Ммм... ну и рожа у тебя... это ты для меня ее корчишь? Умора... Холодно у вас? На тебе такой теплый свитер...

– Да... уже холодновато... А мне тут коллега с правой стороны косички заплела... Смеюсь... три косички... Сейчас пришлю...

– Хм... Тебе коллеги косички плетут? Ну-ну... коллега

ли? Ой ли? (Смайлик).

– Да просто коллега... Аааа... вижу и чувствую твою ревность... Приятно сие мне...

– Смешные косички получились... рассматриваю... Лицо попроще б сделал, что ли (Смайлик).

– Милая, нежная Иришка, заплети мне косички.

– Заплету... с удовольствием... (Смайлик).

– Однако напишу тебе точные инструкции, как установить yahoo messenger, дабы ты смогла меня увидеть.

– Ой...ты же помнишь, как долго я не могла аську установить... Ладно, посмотрим...

– Чмок тя.

– Целую. (Смайлик в виде поцелуя).

– О! Первый раз ты мне поцелуй послала. Это прогресс.

– Ха-ха... смеюсь...

Диалог 3-ий. Наваждение

Долго рассматривала вид с балкона на ЕГО работе. Железная ограда... Броская реклама, как и бывает в России. Снега маловато. Уже ноябрь. Почему-то была уверена, что снега будет по колено. Следующая фотография – его комната. Чисто... аккуратно... Типовая советская секция... На ней игрушка. Наверное, его дочери. На стульчике аккуратно сложенный свитер – белый и пушистый – ЕГО свитер. И чуть виден маленький простенький компьютер.

– Иришка... (Смайлик). Милая, необычная Иришка... На одной фотографии у тебя длинные волосы. Море... И ты такая грустная. И такая худенькая... Как же я тебя обожаю. Тебе очень идет облегающее темное платье. Но кажется, будто ты совсем замерзла... И хочется тебя согреть... У меня всегда горячие руки.

– Ты все правильно рассмотрел. На той фотографии мне действительно очень холодно... Можно присмотреться и увидеть снег. Я специально сняла куртку, чтобы сфотографироваться. И помню, что холод подкрался к самому сердцу.

– А это ты где?

– В санатории, я тогда болела. Грустно и холодно было.

– А я тоже в санатории был, в Сочи. У меня же язва желудка. Аааа... беспокойный я... ой... я положил в машинку штаны стирать... забыл совсем за разговорами... Я сей-

час..... А в Сочи...там еще на снимке пальмы... на балконе... и стрижка там короткая у тебя... И ха-ха...ширинка... видна. На штанах слегка расстёгнута... Это кого ты заманивал так? (Смайлик).

– Да никого... Ездил я с девушкой одной. По Интернету познакомились. Первый день она стеснялась меня сильно. А штаны – ээээ...животик у меня есть небольшой... так штаны не застегивались просто. (Смайлик).

– А ты эту девушку соблазнял? Или она тебя?

– Увы... как-то никто там меня не соблазнял... Но хорошо там было.

Курить пошел... Вышел сейчас... так сказать... в исподнем на балкон...покурить..... сделал две затяжки... холод – туман...жуть...посмотрел в сторону тебя... благо у меня балкон – точно на запад расположен... Я вчера долго не мог уснуть... Думал о тебе... Представлял всячески тебя...

– И какая же картинка была перед тобой? (Иронический смайлик).

– Большое поле ржи или пшеницы (я в ней не очень-то разбираюсь...нет ее у нас) и ты в ней протягиваешь руки к солнцу... Или кукуруза.... вспомнил, как ты описывала в одном письме... У нас она вообще не вызревает... даже початков нет... только в книжках я читал о большой кукурузе (смайлик) и еще я всячески придумывал, как бы я тебя соблазнял...

– Еще кто кого... Ржу тут, как заведенная... (Три смай-

лика).

– Приятно, что ты смеешься... А тебе, видать, нельзя меня в гости звать. (Смайлик).

– Это почему же?

– Непредсказуем буду..... Хотя..... наоборот... предсказуем ТОБОЙ (смайлик) ... не... не так – охмуренный – обво-
роженный тобой..... предсказуемо... буду флиртовать...

– Ха-ха... Слова словно поразбежались у тебя ...

– Забавно... вот написала ты мне первое письмо... могла бы подумать – что где-то как-то начнется виртуальный флирт или... виртуальная чувственность..... не знаю, подскажи, как сказать...(Смайлик).

– Я тоже не знаю... Чувственность виртуальная – у тебя... Я не буду говорить, что у меня... Это больше, чем наважде-
ние...

Диалог 4-ый. Растаманский танец

Звучит песня детства. Представляется мне море, пляж... Все голубое вокруг. И я кружусь в паре с ветром. На меня смотрят. А я не прекращаю, мне нравится слышать музыку ветра и понимать, что ЭТА жизнь абсолютно чудесная. Зима вскинула белоснежные ресницы и лукаво смотрит на меня. Мне никогда так не было хорошо зимой. It's a Wonderful Life... И так много раз подряд... Чудесная-чудесная жизнь.

– Нежная Ирешка... Рассматриваю твое фото, где ты танцуешь. А на тебя смотрят. Муж там, наверное, твой где-то рядом сидит. Но не говори... не знаю его... и не хочу...

– Аааа... там я пьяная слегка... И счастливая... Думала о тебе. Весело и хорошо мне было. Ночь... Тепло... Музыка.... И я в паре с ветром кружусь.

– Ты любишь танцевать?

– Да... Когда грустно, танцую еще активнее. Не помню, откуда была такая фраза: «Когда мне плохо, я танцую». Это про меня.

– Представил, как ты кружишься на поле... Твоя тонкая талия... Как хотел бы я быть тем ветром, что обнимает тебя.

– А ты им будь. Ты умеешь оборачиваться кем-то?

– Как оборотень что ли? (Смайлик). Веселюсь я тут. Сейчас бы ты видела, как я улыбаюсь, зажав свое лицо между

ладоней.

– Оборотень-оборотень... Не смейся, а то заколдую. Ты не знал, что связался с ведьмой?

– Да ладно, не пугай меня... Я сам кого хочешь заколдую. У меня у самого шамано-эвенские корни! (Смайлик).

– Посмотрим-посмотрим. Я из тех, кого не забывают.

– Я тебя...никогда не забуду.... Что-то как из «Юноны и Авось»... Я тебя никогда не увижу...

– Ну...вот...

– Нет....Стоп! Не вздумай грустить. Конечно же, без второго – увидимся мы, обязательно!

– Вот сейчас обернусь птичкой и постучусь к тебе в окошко. Впустишь меня?

– Нет птички...Никто не стучится. Хотя...пойду гляну. (Смайлик). Так хочется тебя вживую увидеть. Обнять... Тебя...

– Меня.... Где я? Расстояние между нами жуткое... Вот доиграюсь же... Знаешь такую песню:

*Я играла с огнём до поры, до поры,
Не предвидя особых последствий игры.
Только отблеск огня на лице у меня.
Только след от огня на душе у меня...*

– Какие стихи хорошие... Это твои? Ириш...КА! Я так рад, что ты существуешь.... Я счастлив... Очень...

– Я тебе свои позже пришлю. А у меня ведь и песни есть... /скромно так/

– Аааа...хочу песни...твои...с голосом твоим нежным.

– Я пока не знаю, как их прислать... Саша... Са-шень-ка... Имя нравится очень. Мне пора...

– Пока... Милая-нежная Иришка. Да... еще и желанная. Целую сильно и... не виртуально... (Смайлик). В тебя целую

– вот!!!!

– Зацеловал. Пока-пока. Целую в щечку.

Диалог 5-ый. Зимнее солнце на моих ладонях

Короткими перебежками по улице. Хмурые деревья застыли в ожидании зимы. Я никогда не любила зиму. Зимой всегда хочется дожить до лета. А летом придет волшебник и исполнит все желания. Представила, как жены декабристов ступают по рыхлому снегу, приподымая свои тяжелые юбки... Цель видна: во что бы то ни стало одолеть вечную мерзлоту и ощутить теплые ладони в моих руках. Почти декабрь.

– Саша... Ты... снова здесь... А я пофотографировалась в парке в желтых листьях, тебе понравится. Там красиво. Пришла сегодня.

– Листья... желтые... У нас уже Иркут замерзает, льдом покрывается. И холодно очень.

– Да я снималась почти три недели назад. Сейчас тоже уже дыхание зимы коснулось и нас. А я совсем мерзляк... Ножки-ручки вообще почти никогда не согреваются... Зимой вообще холодно мне. Хотя морозов у нас почти не бывает. Но климат близкий к морскому... И влажность повышенная тяжело переносится.

– Ножки не согреваются... Надо тебя согреть... А у меня наоборот – даже в –30 руки теплые. Теплокровное я животное. А ты своими пальчиками будешь мои ладони осту-

жать...

– Ладони... большие и теплые... И мои дрожащие ледяные пальчики их коснутся... Незабываемые мечтания.

– Милая Иришка... Грустно мне стало... Задолбало как-то все... Хочу к тебе. Отдаться в твои руки. Чтобы пережить легче зиму, решил я на сноуборде научиться кататься.

– Надо же... Здорово... Расскажешь. А я никогда не видела горы...

– Да ты что? Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал./Это я тут пою/ (Смайлик). А у нас есть горы... всякие... огромные тоже, планирую уже в следующую субботу попробовать занятие сие... Собрал группу людей, желающих кататься.

– Я тоже хочу... на сноуборде... А что? Мысль... Буду думать, с кем бы покататься.

– Эх... Я сейчас... Зашел на кухню, увидел колбасу копченую в холодильнике. Эээ...нельзя... Желудок разболелся однако... Оперировали даже когда-то... Но хочется...

– Не болей... А то я тоже буду беспокоиться. И колбасу не желай. А чего еще ты хочешь, кроме колбасы? А? (Смайлик).

– Ай..ну его...подумаешь, желудок... сейчас бифидок выпью.... А хочется мне тебя... больше...намного... Очень больше... Нда...фантазии одолевают меня.

– А ты не фантазируй. (Смайлик). У нас есть присказка такая: Янка, не фантазируй. Улыбаюсь. Вообще забыла, когда мне было так же хорошо и интересно.

– А у меня сосед сверху недавно женился. Теперь по ночам весело. Мысли всякие одолевают.

– Какие же?

– О тебе... Ириша, когда же я услышу твои песни? И видео хочу и фото твои хочу!!!

– Думаю, на следующей неделе песни мои точно услышишь. Остальное не обещаю.

– Я буду ждать... Я с тобой разговариваю и уже начинаю скучать.

– Зимнее солнышко на моих ладонях. Спасибо тебе за него...

Диалог 6-ой. Сумрачный блеск наших глаз

Сегодня Рождество... 24 декабря... Долго смотрела в окошко. Сине-желтый сумрачный блеск, в нем кружатся белые крошечки снега: белые мошки на улице бесятся... Иллюзорность белого мира. И только мой хрупкий хрустальный мир обязан уцелеть. Открываю окно во внешний мир. Снег летит прямо на ресницы, не щурюсь и не закрываю глаза. Смело впускаю белые пушинки в свой мир заколдованной девочки.

– Ириш-КА! Как же я замерз... Погрей меня...

– Не двигайся, я подую на тебя. И станет тепло /только почувствуй мое дыхание/

– Какая ты милая. Дыхание... твое... мое...

– Я у родителей вместе с дочкой. У нас тихо и пахнет елкой и зимой. Сегодня долго болтала со своим папкой. Спрашивала, что он знает о Байкале (Смайлик).

– И что же он знает?

– Песенку мне спел про бродягу (Смайлик). И еще рассказывал про рыбу – омуль. Сказал, что он водится только в Байкале. И многое другое...

– Ууу... умный у тебя папка.

– Да... он всегда все знает. А еще про писателя Вампилова говорил, родом оттуда ведь?

– Да! И утонул Вампилов именно в Байкале.

– Когда я приеду, ты мне все покажешь? Люблю Вампилова, хотя и вечная двоечница. И по местам декабристок и декабристов поводишь?

– Повожу. А у нас тут полно людей бывших ссыльных и тюремщиков разных. Эх... Дальше Сибири не ссылали. И вообще пьют здесь страшно и бандитизм жуткий.

– А ты пьешь? Насколько часто? У нас тут тоже пьющих хватает.

– Но так, как у нас, я нигде не видывал. В праздники так по канавам прям валяются. А я... задумался... Пью... Выпиваю иногда. Но немного (Смайлик). Хотя что есть много? Люблю веселье. По-разному тут веселимся.

– Ты главное – не спивайся. Ладно?

– Ну, что ты! Я не хочу спиваться, ни в коем случае... Пивом балуюсь много. А ты пиво пьешь?

– Ну, иногда пью, почему бы и нет.

– Никогда так много о себе не рассказывал. Уф... тебе... все для тебя... Я тебе выслал подробную информацию, как подключиться к мессенджеру, тогда ты сможешь меня и слышать, и видеть... А я тебя когда увижу?

– Не знаю. Все... Зовут меня... До завтра. Почитаю, попробую все установить. С твоей помощью. Пока-пока. Целую!

– Чмок-чмок. (Смайлик в виде поцелуйчика).

Диалог 7-ой. Взгляд из зазеркалья

Белое и чистое настроение. Так же чисто в моей квартире. На столе лежат красиво сложенные листы – его письма. Открыла. Одинаковость написания – он никогда не изменял себе. Каждое его письмо имело подзаголовок SAS – его имя в Интернете, в том призрачно-реальном мире, который свел меня с ним. Я знала его электронный адрес наизусть. Когда-то я легко говорила с мужем, рассказывала, что общаюсь с иркутянином. И однажды «моему черному человеку» (так я часто называю своего мужа) случайно попало его письмо – абсолютно невинное, но с чмоканьем в щечку. Это было еще в ту пору, когда у меня не было опыта общения в аське. Тогда законный супруг резко сказал, что товарища с этого портала уже ненавидит только за то, что он есть. Помню, что невольно вздрогнула от таких слов. Но сейчас я научилась плести кружево своим мыслям, одевать их бережно и вычурно в самые изящные небылицы, чтобы никто ни о чем не догадался. Даже ОН – тот самый...

– Иришка! Милая моя рижанка! Ну, что там у тебя с месенджером? Я жду тебя.

– Я не могу понять, чего он от меня хочет. Все вопросы какие-то задает. Ему картинки какие-то не нравятся (Смайлик).

– Чего? Что за картинки. Скачалась программка?

– Да, установилась! Требуется зарегистрировать имя. Я не понимаю...

– Иришка! Пришли мне картинку в сохраненном виде того, что он у тебя просит.

– Ой, а я не умею. Я же в Интернете совсем недавно. Не знаю.

– Пришли мне вопрос, который ты не понимаешь...

– Ага, сейчас.... Какой-то код авторизации, что это?

– Аааа...это тебе надо ввести в окошко цифры и буквы с картинки. Я-то думал. (Смайлик).

– Ты, наверное, думаешь, что я совсем тупая. (Смайлик).

– Хы... Ты настоящая женщина! Ну, что?

– Ну, опять не получается... Я сейчас плакать начну...

– Аааа... Я тоже сейчас начну!!! Навзрыд!!!

– Ой...не надо, а то я тут услышу. Сашка! Са-шень-ка! Ура! Я подключилась! Быстрее находи меня./ Скачу от радости/.

– А ты там кто? Ида? А почему Ида?

– Да. А Ида у меня была такая подруга, близкая... Давно с ней не общаюсь. Но очень хотела ее найти. Вот и взяла себе такой ник.

– Красиво... Ну, видишь меня? Я тебе ручкой машу...

– Сашка!!! Ура! Вижу... Но со звуком плохо. Плохо тебя слышу.

– Ладно, ничего. Потом разберемся. /Я тоже тут радуюсь, как ребенок/.

– Что-то ты слабо улыбаешься. Только глаз твоих совсем не видно. А для меня самое главное глаза и руки на ощупь. Весь беленький и пушистый такой. Тебе идет этот свитер. Очень симпатично!

– А я люблю все белое и красное. Летом в рубашках хожу, а зимой холодно, однако.

– Это твой рабочий кабинет? Голые стены и все. Странно это смотрится.

– Сейчас я тебе все покажу, что у меня есть. А вот видишь девочку в красном платье? Это дочка моя – Полинка. С собой ее взял, просилась, не с кем было дома оставить. Суббота же сегодня.

– А что она с тобой целый день?

– Да нет, сейчас бабушка ее заберет.

– А покажи мне, как ты улыбаешься, зажав лицо между ладоней?

– Вот. (Подпирает лицо ладонями и улыбается). Как?

– Смешно... А животик с серьгой покажешь? /лукаво улыбаюсь/

– Животик как животик...

– Здорово. (Улыбаюсь). Может тебя вообще раздеть? Забудешь про работу?

– Неее...раздеваться не стану. (Усмехается). Но факт: можно все! Как мне жаль, что я тебя не вижу.

– Будет день рождения дочки, нас поснимают. Я тебе потом вышлю. Кстати, я тебе могу дать все песни, они выложе-

ны на ftp. В письме есть все его данные.

– Ура! Скоро я услышу твои песни. А какие они ТВОИ песни?! Разбить бы чертово стекло и залезть к тебе. (Улыбается и машет руками).

– Классно побаловались. Целую тебя нежно.

– Я обожаю тебя. Целую-зацелую.

– Тшш... Не распугай радостных птиц...

Часть III Я забинтую свой последний поцелуй

Диалог 1-ый. Что такое «обожать»?

Начало января. Сквозь сугробы веду свое сердце поближе к зиме. Ах! Попасть бы в самую суть Иркутска и задрожать не то от холода, не то от нежного голода. Поразительно. В теплой и слякотной Риге минус двадцать. Никогда еще в такой жуткий холод мне не было так тепло. Раннее утро. Как несправедливо огромны расстояния. У него сейчас середина дня. Глянула на себя в зеркало. Я себе никогда не нравилась. Но тут взглянула по-особому. Никогда мне никто так часто не говорил, что я так чертовски хороша. Постоянная смена причесок и цвета волос. Модная стрижка: романтично выглядывает рыжая челочка. Глаза непонятного цвета: цвета хаки с прожилками осени.

– Сашка! Я тебя уже полчаса дожидаясь. Ты все ко мне не шел (Да уж... Еще бы.. добежал.)

– Аааа... работал я тут. Я ж, как с тобой познакомился, работать не могу нормально. Работы накопилось всякой. Ты не думай, я о тебе помню. Я соскучился.

– А я не просто скучаю. Заметила, что ложась спать, на-

чинаю с тобой мысленно разговаривать. Душевно так получается. А начинаю писать, все не то.

– Ириша! А я вчера твои песни услышал. Подобрал их из ftp. Я просто офигел...

– И как они тебе?

– Я несколько раз слушал. Не мог успокоиться. Я даже не могу выделить ту песню, которая мне больше понравилась. Они ВСЕ мои. Я увидел тебя, такую маленькую и одинокую в темной-темной комнате.

– Не говори так, подкрадываются мистические краски...

– Я как бы знал, что ты поешь, но как-то не думал... не мог представить, что ты умеешь ТАК петь. Грустные у тебя все песни... Серьезные. Милая, бесконечно милая Иришка! Да тебя же еще больше нужно любить и обожать за такие песни.

– Да... Почему ты всегда ставишь по разные стороны два слова «любить» и «обожать»?

– Неее... только обожать можно, но не любить.

– А для тебя любить и обожать – это разное?

– Принципиально разное. Обожать можно очень многое. Любить я так не умею.... Ириша, а что у тебя с произношением буквы «с»?

– Да все нормально у меня с ней.

– А это похоже мой старый компьютер так воспроизводит. Как же приятны твои песни... за тысячи километров...

– Да... Лишь километры между нами... Только шепни...

– Ты снова грустишь.

– Вовсе нет, с чего взял?

– Интонации грустные. Я так и вижу, как ты сидишь в полумраке, подперев ладонями лицо и смотришь вдаль.

– А я иногда ничего не вижу. И глаза зависают, смотрят себе куда-то. Непонятно, куда.

– Мы все иногда зависаем... Однако, мне пора.

– Да... пора... пока.

– Мы не прощаемся. Не грусти.

Диалог 2-ой. Безлюдно стоят одинокие стены

Обычный январский вечер. Вся семья в сборе. Истериически орет ребенок, никто не может его успокоить. Изнеможенные зеленые глаза без сил смотрят на себя. Ухожу в темноту, чтобы успокоиться. Никто не поможет, ничто и нисколько. Кажется, это мгновение никогда не растворится в зимней вечерней дымке. Пыталась набрать его номер. Но мой телефон «помешался на длинных гудках», а потом холодный женский голос с автоответчика попросил оставить сообщение. Бросила трубку. Заснеженный парк, снег хрустит под ногами, я пробираюсь в темноте. Но дома еще холоднее: я никчемная женщина, не умеющая успокоиться и защитить своего ребенка от нелюбви. Но я ее очень люблю... Еще страшнее... Безлюдные стены дома. Там муж и я – два уставших человека, которые перестали понимать друг друга. И сегодня мне не избежать разговора с «моим черным человеком».

– Ну, как погуляла? – со скукой в голосе бросил муж и пошел в комнату.

– Холодно. Очень холодно. И снег хрустит, хрустит, хрустит, – задумалась на мгновение.

– Ирина, побудь со мной, посиди здесь, – берет меня за руку и усаживает рядом, гладит по руке.

– Пойду спать, – змейкой выскользнула рука из рук мужа.

– Пусть тебе приснится что-то хорошее, – участливая улыбка, колючая щека трется о мою, – ты все время где-то далеко, даже непонятно, с кем и где. У тебя даже взгляд чужой стал.

– Посмотри в мои глаза, что ты в них видишь? Внимательно смотри, – уставилась нагло и открыто.

– С тобой что-то случилось. В твоих глазах столько одержимости... Так что ли... – прижал к себе несопротивляющееся тело.

– Как ты это сказал? Да, я одержима. Одержима... – в задумчивости плавила его слова, как воск, – ты даже не представляешь, насколько было бы проще, если не было бы во мне этой нет, не одержимости, скорее, погруженности в себя, от меня осталась одна тень – «тень женщины и тень свечи», – не уставала жалеть себя.

– Ложись спать и не думай ни о чем, а я еще поработаю со звуком. Минут 20, – привычная улыбка, привычный голос.

Про себя подумала: как быстро высыхают бурные реки, как быстро он успокоился. А вслух сказала:

– Ты же знаешь, я не усну, побудь со мной. Прошу. Я так устала. Так устала смотреть в пустое небо, – пристально смотрю ему в глаза.

– Ну, что ты как маленькая. Скоро приду, – он выдержал мой укоризненный взгляд.

Я комкала одеяло на огромной кровати и никак не могла

уснуть. Было около 2 часов ночи. Я подошла к окну: казалось, будто ветки брезгливо касались моего окна и быстро стремились прочь. Причудливые тени сна и луны переплелись. Я думала о далеком и холодном Иркутске, совсем скоро там начнется утро. Надо дожить до утра и все станет иначе. Но сон упорно не желал сниться. И я уже не понимала, куда и к кому стремиться. Вошла в другую комнату около 3 ночи. Муж обреченно спросил:

- Ну, что, так и не спишь?
- Неа. Это прошло 20 минут?
- Ну, извини, заработался.

Диалог 3-ий. Сон с ножом

Хрустит и хрустит сердце под ногами. Звенит и звенит морозный снег. Я все бреду и бреду. Мне холодно и одиноко. Окна домов так пусты, в них так много света, но это совсем чужой свет, который светит другим людям, не мне. Я так давно не получала его письма, мы так давно не разговаривали. Снежинки хрусталят мой взгляд, но в нем по-прежнему нет его. Я целыми днями сплю. Просто духовная спячка напала: в транспорте, дома, днем и вечером.

– Саша, надо же... ты появился. Знаешь, я только что прочитала твои письма. А потом уснула. Кажется, тебя так давно не было.

– Ну, что ты. Я есть всегда. И про тебя помню, просто работы недоделанной накопилось..... Как-то так... ты что там грустишь, милая Ириша?

– Я просто по ту сторону зеркала дождя, а там всегда серость прозрачная и яркая.

– Дожди давно прекратились, сейчас ведь зима.

– А кругом всегда много воды... У нас часто светлая трава порезается сквозь зимний лед.

– Ириша, мне надо поработать. Я ведь тут один единственный дизайнер.

– Хорошо, Саша... Я не буду отключаться. Побуду рядышком. Снова спать хочется. Я как маленький медвежонок, ко-

торый обустроил милую берлогу.

– Саша! Ты тут? Ты знаешь, я только что уснула. И я видела такой странный сон.

– Расскажешь?

– Говорят, что сны пересказывать – это самое неинтересное.

– Попробуй. Может, я там был во всей красе?

– Да, я видела тебя. Будто мы с тобой встретились в Питере, в метро. Я так и вижу, как ты ко мне идешь навстречу.

– Надеюсь, я не был в оленьих шкурах? (Смайлик).

– Нет. Ты подходишь ко мне, смотришь ласково и даже нежно. Я обнимаю тебя, теряюсь, силюсь что-то сказать, а потом вдруг кто-то неизвестный подходит к тебе со спины и ударяет тебя ножом в спину. Я в ужасе кричу, беру тебя, как сестра милосердия под руку, начинаю плакать и звать на помощь. Подъезжает вдруг «скорая», к тебе идут врачи. Я отвернулась на мгновение, в этот момент ты выхватываешь мою сумку и бежишь по эскалатору к метро. Ощущение полной растерянности, непонимания: зачем ты так сделал. На этом проснулась.

– Ну и сны тебе снятся...

– Ну, вот бывают такие сны. Такие вот странные сны... А у тебя бывают вещи сны?

– Нет. Никогда. Я вообще сплю крепко и снов не вижу.

– Ты же не робот...

– Нет, не робот, но сны – это пустое, обман.

Диалог 4-ый. Эротизм без психоза

Раннее утро. Полуморозный вздох птиц. Мне очень тепло. Я все больше и больше ухожу в себя, в самую глубину. И здесь совсем не страшно. Ты держишь меня. И мое дыхание нервно дрожит. От твоего голоса. Я так мечтаю услышать тебя. Дотронуться до твоих ладоней, заглянуть в твои глаза. Проснулась в приподнятом настроении. Мне захотелось порадовать себя. Я наготовила много вкусной еды. Убрала квартиру. И настал час общения с Сашей.

– Ты стал как-то редко слать мне письма, – горько ухмыльнулась, я начинала чувствовать свою неуверенность и едва ускользящую руку.

– Ну... у меня накопилось много работы, – кто его знает, о чем он действительно думает.

– Да, конечно. Я даже во сне тебя не увижу.

– Ну, что ты... Мы, конечно же, увидимся... перестань грустить. Ты что не знаешь, что грустные девушки не нравятся мальчикам? – с трудом верю в искренность.

– Ага, ага, – грустно улыбнулась, прям, Бела из «Героя нашего времени», – поддержи меня за руку.

– Как?

– Да.. Да. Вот так. Правильно. Немного понежнее.

– Боже, что ты со мной делаешь. Я начинаю представлять твой нежный голос, – тонкие нити реальности стали еще ти-

ше.

– А ты знаешь, я очень люблю, когда гладят мою руку. Просто так. И голос пьянеет.

– Отчего? Что ты видишь?

– Да, я вижу тебя. Высоко-высоко. И я ползу за тобой. По веревочной лестнице. Меня раскачивает из стороны в сторону. Но я ползу выше с учащенным и влажным дыханием.

– Мне кажется, я еще никогда никого не желал так сильно, как тебя. Больше всего я хотел бы услышать твой запах. Твое дыхание.

– Мое скользкое тело... Дыхание... Твои руки. Я все это вижу и чувствую сейчас.

– Прости меня, что я так далеко.

– Я не могу тебя просить ни о чем... И все же... Не уходи. Прошу. Еще. Да. Как просят, вальсируя: «Encore... encore...»

– Я буду кружить тебя до бесконечности. Что я творю, я уже сам не понимаю.

– Ты сводишь меня с ума. Я точно чувствую. Что-то должно случиться.

– Тебе ведь хорошо, просто хорошо?

– Да. Но этого мало. Безумно мало.

– Иришенька моя. Я бы так хотел быть с тобой сейчас.

– Да, и слушать мои сумасшедшие стоны. Бешеное сердце.

– Вот именно так. Ловить каждый твой такт.

– Не уходи! Побудь со мной.

– Я тут, я никуда не денусь.

– Погоди. Дай немного тишины. Мне кажется, что мы с тобой говорим в последний раз.

– Надо заканчивать сегодняшний разговор. Если твой муж прочитает, он будет недоволен.

– Я не боюсь его. Может, так даже лучше будет.

– Не говори так.

Диалог 5-ый. Молчание разбивается о посуду

Дрожали руки, и снова плакал февраль. Я чувствовала, что вечер безвозвратно ушел в сумерки. Я не замечала тишины, красный фонарь неистовствовал мне в окно. Никакого Саши больше нет – и никогда не будет. Звонок в дверь сильно напугал... Никак не могу успокоить свою дрожь. В комнату заходит муж: комната освещается черным пятном. Лицо уставшее и привычное. Очень красивое. Большие руки, которые когда-то мне так нравились. Вот именно сейчас он размозжит мой череп. Глаза смотрят мимо меня... Я сразу поняла: он все знает.

– Поясни, пожалуйста, это, – запрыгали причудливо перед глазами наши асечные логи.

Устало смотрю на блеск фонаря и молчу. Еще в детстве я могла молчать так же упорно, как и не замолкать.

– Ты же обещала все это прекратить! Сколько можно это терпеть? – он не кричал, он был так молчаливо несчастен.

Какое же тупое ощущение. Вот и все. Теперь я останусь совсем одна. Тихонечко в меня втекала тоска. Я так же смотрела в окно. Омертвела полностью. Просто стояла молча.

– Вчера, когда ты спала, я подошел к тебе. Ты беспокойно дергалась во сне, но чему-то улыбалась. А потом ты стала шептать...

– Что? Что я говорила? – единственная реакция бесчувственного мозга.

– Ты шептала его имя... Понимаешь... Я больше не мог это выносить... Я гладил тебя, ты прижималась ко мне, называя его именем... Мне хотелось убить тебя... И вот я прихожу и читаю ваши логи...

– Помолчи, ты ведь ничего не знаешь... Ты же не знаешь, как мне тебя не хватало. И как надоело быть привычной мебелью. А тут он... Ничтожно и подло все. А еще совсем недавно я готова была осуждать любую женщину. Черт возьми, я сегодня испытала оргазм только от разговора с ним. Где моя реальность? Тупо смотрю в одну точку. И по-прежнему молчу.

– Ты ведь его ни разу не видела. Это фантом. Ты не можешь его любить. И он просто тупо издевается. Но я положил этому конец. Я отправил ему письмо, в котором ТАК его попросил замолчать, что он в своем сраном Иркутске задрожал.

Я вздрогнула, жгучая тоска пробежала по щеке:

– Что? Что ты ему написал? Я хочу видеть это письмо! Покажи мне его...

– Я собрал на него досье. И просто отослал ему, чтоб он ПОДУМАЛ. Я нашел его реальный адрес, место работы, все про его дочь. Думаю, он поразмыслит.

– Зачем? Зачем ты все это сделал? За-чем? – мне казалось, что я рассыпалась на мелкие кусочки.

– Да вообще, как он смел писать ТАКИЕ письма замужней женщине?! Я бы так никогда не сделал. Посмотри на меня...
– резко взял мою голову в руки и, словно падшую женщину, отшвырнул.

– Я так хочу, чтобы меня не стало.

– Ты всегда это любишь говорить. Заткнись. И чтобы я больше не слышал этих слов, ты не имеешь права так говорить.

Вот уже полчаса я мою одну и ту же тарелку. Куда мне деваться... Где мой горький шоколад. Помогите... Замуровали, а я не отдергиваю руку, выкладывающую кирпич за кирпичом. Господи, что же будет завтра. Помогите мне пережить эту ночь...

Он ушел в ночь... И тот, и другой. Оба.

Диалог 6-ой. Скомканный мир

Казалось, все дни перемешались и теперь лежали со мной в обнимку, вводили меня в сон, чтобы реальность не прорезалась в мой мир. У меня не было слез. Наверное, было бы банально просто плакать. В моем скомканном мире можно только спать, просыпаться не хотелось, и я лежала на кровати, спрятавшись ото всех в свой пыльный чехольчик. И какой-то ненормальный холод медленно бегал по телу, проникал в самые теплые места, а потом пытался завладеть мной. Так прошло несколько дней.

– Сколько можно спать? – отчаянно меня будил черный человек.

– Зачем ты пришел? Что тебе нужно? – голос едва слушался меня. Перед глазами все поплыло. И снова провал. Перед глазами кольцо.

– Что это? – дотрагиваюсь до нежного колечка.

– Хотел тебя порадовать. Ты меня пугаешь, – теплой бархатцей обволакивал его голос.

– Неужели ты мне купил кольцо? С тех пор, как мы жена-ты, ты ни разу мне не дарил ничего такого. Спасибо. Очень красивое, – прижала его теплую руку к своей щеке. Невольно слезы потекли по родной ладони.

– Прошу тебя, не плачь. Все будет замечательно. Вот увидишь.

– Что я увижу? Что я привычная мебель? Что нам не о чем говорить?

– Зачем ты так говоришь... Посмотри за окошко, мир просится к тебе на руки. Никто не умер. Все замечательно.

– Да, конечно. Посмотри на меня. Ты будто ускользаешь все время. Побудь со мной.

– Ну, куда я денусь. Я все время с тобой.

– Почему ты все время приходишь пьяным домой?

– Потом поговорим.

– Почему все время плачет небо, с него все смывается.

Почему?!

– Ты слишком долго смотришь в небо.

– Да какое небо?! Вот я с тобой. И я вижу и чувствую, что ты тут же потерял ко мне интерес. Зачем? Зачем все именно так? Ты меня простишь?

– Спать. Только спать. Все остальное – потом.

– Покажи свою руку. Что это? – на руке свежий шрам от ожога.

– Так просто... Нечаянно затушил об себя сигарету.

– Боже... Снова боль... Сколько боли. Прошу тебя, не надо больше боли. Я не вынесу этого! Слышишь?

– Не вынесешь? А я вынес. А знаешь, что ОН ответил на мое письмо? Он написал мне: «Прости, никому не хотел неприятностей. Все. Я ее забыл».

– Зачем ты мне врешь? Это ведь тебя унижает... Ты меня ненавидишь?

– Могу дать тебе все прочесть... Прости меня...

В отчаянии всматриваюсь в его лицо, пытаюсь отыскать ложь. Хочется найти спасение в нем. Он отворачивается. Ему становится еще больнее.

Диалог 7-ой. Разговор со взломом

Наступил понедельник. Это был тот дрожащий день, когда я надеялась услышать снова его голос, узнать, не отвернулся ли он от меня. Когда утром я увидела спокойно-холодное окошко его аськи, раскрашенное тем же цветом, я затрепетала. Он был снова на линии. И мне было страшно. Очень страшно. Буквы слегка дрожали. Последние бессонные ночи уничтожили остатки выдержки. И я начала писать приветствие. Я писала одну и ту же фразу, постоянно зачеркивала и начинала выводить равнодушные буквы заново.

– Саша, привет! Я знаю, что ты получил письмо от моего мужа.

В ответ тишина. Саша занимался своими делами, и ему больше не было никакого дела до меня, моего мужа, до маленького призрачно-существующего городка. Он молчал.

– Саша, прошу тебя. Не молчи. Прощу тебя! Скажи мне хоть что-нибудь. Я не могу вот так просто исчезнуть. Я же живой человек.

Я размазывала слезы по тусклому лицу и упорно ждала ответа. Мне казалось, что меня больше нет. Это как в чудовищных снах – ты кричишь, но этот крик никто не слышит. И вот я бешено колочу бессильными пальцами в закрытое асечное окно, хочется закрыть уши от громкого стука,

но вокруг шипящая тишина (еле-еле дышит компьютер).

– Боже, какой ты сильный и смелый! А главное – правильный. Ведь ты же мне ничего не обещал. А малейшая сложность – и тебя заткнули одним письмом. А промолчать – как это по-мужски, как это логично.

В ответ гудела моя безумная боль, гудели мысли, не унимались слезы. Только он молчал.

– Вот интересно. А если я приеду к тебе сейчас, в незнакомый чужой город. Неужели ты тоже будешь молчать? Напиши хоть гадость какую. Все ж мне будет проще.

– Все... Хватит общаться... Не пиши мне больше...

– Что я слышу... Голос с того света? Ну, врежь мне. Докажи, что сила – это главное? И что ты во всем прав? Я же люблю тебя...

– Идиоты. Живете себе в своей Европе. Вот и живите. А меня не трогайте. Какая любовь?! Я просто общался...

– А все эти слова? Про счастье, это ведь было так убедительно. Зачем ты мне каждый день слал смс? Зачем?!

– ЕСЛИ Я ТЕБЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ДОРОГ, ТО ПЕРЕСТАНЬ МЕНЯ ДОСТАВАТЬ.

Это была последняя фраза от него. Она не выходила из меня, камнем во мне засела. Я ее повторяла на все лады. Но я выполнила его просьбу. И больше не доставала.

Почти неделю я ревела и ревела. И не замечала того, что муж каждый день приходит домой пьяным. А через неделю я открыла адрес e- мэйла Саши, в отупении вбила первые

попавшиеся цифры (он когда-то давал мне пароль к ftp) и ... я не поверила глазам своим, я вошла в его ящик... В тот ящик, в котором он считал пришедшие от меня письма. И в нем не было вообще никаких писем. Были новые. Я не рискнула их открыть. Это было дико подло. Но мне стало легче, я касалась хоть чуть-чуть его мира. На следующий день я зашла еще раз. Но прочитанные письма он тут же удалял. Никаких контактов в адресной книге не было. И я не выдержала – открыла письмо. В нем было какое-то банальное обсуждение покупок в магазинах. Открыла еще одно – там тоже ничего интересного. Таких писем, как от меня, в его ящике больше не было... А через день он сменил пароль. Вот и все – теперь я окончательно забинтовала свой последний поцелуй.

Часть

IV

Доверие в пятнах

Диалог 1-ый. Чертог убитых

Слабые безжизненные пальцы на запотевшем стекле рисуют заветный вензель. Нет мыслей. Некоторые действия просты до автодебилизма. Я люблю механику заученных движений. Именно в такие моменты можно долго намылить одну и ту же ненужную майку, одну и ту же ненужную голову, одну и ту же лишнюю смысла мысль. Состояние полной потерянности не покидало меня ни на минуту.

– Почему ты все время молчишь? – он никак не может найти мои глаза.

– Разве? Мне кажется, я не замолкаю. Смотри, там бежит вечность, – мои глаза все чаще останавливаются на непонятной серой точке.

– Ты меня пугаешь. О чем ты? – скомкал последние слова, жуя что-то.

– Я сама себя пугаю последнее время. А ты знаешь, ты очень красив. Даже что-то зловещее в этом. И глаза такие черные-черные, – тихо-тихо прошептала про себя, – обними меня, пожалуйста, я будто не вижу тебя. Ты все время ускользаешь. (В страхе прижалась к черной груди, вдохнула знакомый запах).

– Ни о чем не думай. Ты же хотела поехать на Гайзинькалнс. Вот давай рванем туда.

– Я все понимаю. Все понимаю. Почему же так страшно?

И я сама себе омерзительна. Никогда не смогу простить себя.

– От этого никому лучше не станет. Точно тебе говорю.

– Ах... Фа-фа-фа... голова кружится... Не смотри на меня так. Я люблю это песню. «Накатила суть... фа-фа-фа...»

Просто хочется слиться с чем-нибудь. Побудь со мной.

– Да я никуда не денусь. Тут я.

– Почему я тебя не чувствую. Я бы поняла, если бы ты меня после всего этого уничтожил... А ты... купил кольцо. О чем ты все время думаешь? – жалкая и дешевая ухмылка вместо лица.

– Некогда мне думать. Много работы, – снова взгляд мимо меня.

– Счастливый. Как бы я хотела не думать. Совсем. Хочешь, подарю тебе свои ржавые мысли? (Немая усмешка). Чем бы заняться? Я одна сплошная усмешка. А ты героический муж. Бессмысленные и бранные занятия...

– Вот могу тебе показать интересный форум. Не будешь так скучать. Между прочим, название у него специфическое. Не что иное, как «Чертог убитых»...

– Да уж... хорошее название. Вряд ли мне там будет интересно, – снова успела надеть на себя мертвую самоиронию.

– Учти... там общаются люди исключительно умные и интеллигентные. Располагайся...

– Ага... Уютно там, наверное, среди убитых.

– Ну, хватит уже грустить. Я побежал.

Диалог 2-ой. Две шаманки

Как быстро научилось от меня убежать время. Тишина и мертвый покой – еще двух недель как не бывало. «Чертог убитых» на самом деле оказался весьма интересным. На сей раз я завела знакомство с девочкой. Хватит уже жевать розовых слонов. Подавиться же можно. Мне казалось, что она инвалид, человек, который давно прикован к кровати, а значит, и к мышке – сообщений от нее было так много, что просто нереально было отвечать. Я представляла себе очень умную, мудрую и страшную девушку. Оказалось, все до банальности прямолинейно. Просто в ее жизни тоже было много пустоты. Но она весьма мила, моя одногодка, тоже замужем. Только вот детей нет.

– Ну, что тебе скажу... Да я же тоже ведьма, – казалось, что в каждом диалоге она раскладывает карты Таро, и в них находит нечто замысловатое.

– Почему тоже? Я себя ведьмой не считаю. Ведьма – это та, которая все ведает. Я же что-то вообще ничего не знаю и слишком плохо разбираюсь в людях.

– Ха-ха... Ты слушай меня. Мы же с тобой ужасно похожи. А вот мой муж из-за меня травился. Я что-то в последнее время так устала.

– Как травился?!

– А мы уже 10 лет вместе. Он хороший. Но я что-то иногда

так устаю и понимаю, что хотелось бы совсем иного.

– А чего бы тебе хотелось?

– Ну, как обычно – то, не знаю, что...

– Да уж... У меня отличный муж. И ему сейчас многое пережить пришлось.

– А я его знаю, мы с ним тут тоже переписываемся.

– Вот как... И вправду уютное место. Мне иногда кажется, что я сплошь покрыта пеплом.

– Да я тоже... Это я только с виду такая злая. Но своего я никогда никому не уступлю. Я люблю идти только вперед.

– А я топчусь на месте. А мыслями в Иркутске. Это город, которого нет, я его сама выдумала и слепила...

– О... Смотрю ты любишь страдания.

– Да ладно, не стебись.

– Ты думаешь, он там вспоминает про тебя? Радуетя, козлина, точно тебе говорю.

– Веселая ты, однако... Рада, что мы познакомились. Но что ж так до бесовщины грустно. Кажется, что так всегда будет.

– А ты приезжай ко мне. Залижем твои раны. Все будет хорошо.

– Ты серьезно?

– Вполне. Устроим тут дикие оргии с бубном (Смайлик).

– Ого! Ты еще и шаманка. А что... я приеду на 8 марта, не против?

– Да!!! Да!!! Еще скажи, что ты не шаманка... Никогда

не поверю... Я рассказы твои читала... «Тишь... а ты говоришь, как странно они перешептываются...» Да ты же просто находка. Вино пьешь?

– Ну, не очень-то пью. А писать рассказы я начала после расставания с ним. Эх... На каждую роковую женщину найдется роковой мужчина...

Диалог 3-ий. Миф разрушен

Стремительные сборы в дорогу. Снова я увижусь холодный строгий город в сером. Увы... Только все совсем иначе. Начало марта – самый тяжелый месяц в году. Ненавижу март. Рижские улицы сонно плачут от грязного снега... «Дворник не может очистить их серость», очень в тему вертится безумная строчка из одной песенки. Кукушкина гора похожа на чертог Снежной Королевы, которая сдерживает свои снежные слезы. А совсем скоро женский праздник – именно в этот день совсем по-булгаковски я люблю носить в руках отвратительные желтые цветы. Муж стал молчаливым и отстраненным, однако захотел ехать в Питер вместе со мной. Это было неожиданно: в каком-то веке мы поедем вместе к моей новой подруге, которую пока что не видела ни я, ни он.

– Неужели у тебя получилось отпроситься с работы? – я подседа к нему ближе, внимательно разглядывая привычное лицо.

– Да что-то я заработался. Тоже хочу увидеть Петербург, наконец. Не все же тебе одной колесить по России. Или ты против моего сопровождения?

– Что ты... я не против, – какая-то незнакомая тревога не позволяла нормально радоваться.

– Поедем на 5 дней. Тебе предоставляю купить билеты,

бери сразу туда и обратно, – уверенно и спокойно прозвучали его слова.

– Да... Хорошо... Тебе очень подходит этот черный свитер, – задумчиво произнесла я. По первому порыву хотелось подойти и прижаться к нему, но он, как будто нечаянно, меня отстранил.

– Ну, ладно, я пошел.

– Куда ты снова уходишь? Последнее время мне кажется, что ты меня все время избегаешь.

– Нет, просто много работы, – устало выдохнул он.

– А пьешь ты тоже из-за работы? Ты даже в глаза смотреть боишься... Что-то ведь не так. Я будто ступаю по мелкой речушке, а ноги почему-то вязнут в болоте. Дай мне руку что ли...

– Ты знаешь... – ему тяжело давалось каждое слово. А его глаза уставились сквозь меня. Он устало оглянулся... Я сглотнула...

– Говори уже все, что есть. Я все равно понимаю, что нечто перевернулось, накренилось, сломалось... в наших механизмах сломалась дефицитная нить. Это из-за меня?

– Нет... Нет... Я люблю другую, – слегка треснул его голос.

– О боже... Зачем?! Зачем?! Зачем... тогда ты написал ему письмо? Это она? – в моем голосе пульсировала мучительная боль, перекрываемая диким страхом безысходности.

– Да, это она.

– Как же мы сейчас к ней приедем? Черт... что же делать... какой банальный вопрос... ты же ее даже не видел, – я пыталась цепляться за ничего не значащие фразы.

– И все же это настоящее – мне хочется ее увидеть...

– Помнишь, ты говорил про иркутянина? Ну... как можно писать такие письма... замужним женщинам... а сам... – каждое слово давалось тяжело, будто вгрызалось в непрошеную действительность больными зубами.

– Ну, вот тогда я этого не понимал... А сейчас понял, – мне казалось, что со мной говорит кто-то другой, голос становился все более размытым и нечетким.

– И что же ты понял?! Все не то... Куда же деться и как все это вынести... Скажи, ведь ты мне мстишь? – все более мутно и мутно становится вокруг, я не верю, что я могу говорить таким нелепым и отстраненным голосом.

– Ну, хочешь, я ему позвоню?

– Ага... Сейчас самое время... И что же ты ему скажешь? – истерически смеюсь, озираюсь вокруг, в надежде найти помощь в бытовых знакомых вещах, – его так легко заткнули одним письмом; ты через две недели полюбил другую; а подруга очень быстро превратилась в подлюгу. Я не хочу все это знать... Просто не хочу это знать...

– Прости меня...

– Сколько можно твердить как заклинание эту тупую и ничего не значащую фразу... Посмотри на небо... Просто небо... Я все равно поеду в Питер. Все равно... – плечи со-

дрогались без рыданий, странно, почему все это я произнесла без слез.

–Да не волнуйся ты, никуда я от тебя не денусь.

Диалог 4-ый. Настасья Филипповна из квартиры № 66

Дни перед поездкой покрылись мутной ряской. Я тихонько распутывала паутину наших отношений, она была весьма непрочной, но еще что-то там держалось. Он ведь ее не видел. Сам весь тихий и черный, черный, как одинокий камень вдали. А мне так не хватало возможности просто поговорить. Я уже не понимала, кого люблю я... И люблю ли хоть кого-то... Я жила надеждой. Наверняка, он ее увидит, она ему не понравится. Да и вообще так много трудностей: неужели он переберется в Питер, он же ненавидит Россию. За окном мелькал потусторонний железнодорожный пейзаж. А я ловила мечтой уходящие тени погасавшего дня... Завтра я увижу ЕЕ.

– Ну, привет... – неуверенно просипела я, окидывая грязную, невзрачную комнату.

– Привет, коли не шутишь, – резковато брякнула ОНА. Со стола упала книга, издав глухой звук.

– Тихо у тебя тут... – в упор смотрела на ее хитрые и холодные глаза. Казалось, ее глаза были наполнены серой мутной водой, только бывает вода живая и мертвая. Это была мертвая. Так мне показалось. Молчание было гнетущим. Мой муж тоже молчал.

– У меня не тихо, у меня здесь бесенята бегают, разве ты

их не видишь? – уверенным движением она стряхнула пепел на пол.

– Вижу... Ты очень похожа на Настасью Филипповну. Твои глаза слишком уж вплывают в меня, и мне... страшно, – я старалась говорить, спасая свои глаза, я смотрела сквозь мутно-грязные окна на улицу... Оттуда долетела оборванная фраза: «Дружбы не бывает, есть только я...» Кто этот я, услышать уже не успела.

– О да... Ты умеешь выражаться пафосно, – она ухмылялась самодовольно, понимая, что сейчас у нее все преимущества передо мной. Эта ее уверенность раздражала весьма сильно, и еще больше обнажала мою незащитность. В этой квартире мне не у кого было искать помощи. Мужа словно не было, он онемел, как-то потух и растворился в квартире № 66.

– Дура ты... Не там пафос ищешь... – злобно бросила я, сама удивилась тому, что я была способна на яростные выпады, – помнишь, ты говорила мне про предательство и дружбу... любовь... где уж мне, я же не могу ничего такого чувствовать...

– Да! Не можешь... И ты не знаешь тех ощущений, которые знаю я, – в ее голосе был вызов; такой пугающий и ошеломляющий взгляд, от которого хотелось спрятаться и укрыться.

– Да не хочу я знать твоих ощущений! Не хочу! Кто ты? Оставь меня в покое.

– Да это ты сама меня не оставляешь в покое и его тоже мучаешь. Сама же говорила, что он тебе не нужен, а теперь что? Я люблю его так, как ты никогда не сможешь. Я уверена в себе. За него говорить не стану, но в себе я уверена, – каждое ее слово ранило правдой, она ведь во всем права, я действительно последнее время уделяла внимание кому угодно, но только не ему... Почему-то именно сейчас, как последняя надежда на жизнь, вспомнился тихий низкий Сашин голос... Все из-за него... Или из-за меня...

– Ты знаешь, он не просто мне муж, но еще и отец моего ребенка, и я не могу его вот так отпустить, – слезы предали меня, я шмыгала носом, она же обрела еще большую уверенность.

– Да он тебе никто... Он ненавидит тебя. Ты его уничтожила своим предательством, – кричала она в исступлении. (И ее неприметное лицо стало таким горящим и ярким. Она была агрессивно-красива).

– Да ты же знаешь все подробности... Ты сама меня предала, что ты можешь знать о предательстве?! – от отчаяния у меня совсем сел голос, это было как в страшных снах, когда тебе нужна сила голоса, а ее вовсе нет, голос тебя не слушается, – ты знала обо всем и молчала... Я боюсь тебя, ты страшный человек...

– Ты же тоже ведьма, как и я, смирись и отступись, а лучше уезжай отсюда. Ты никому ничего не докажешь, – она смеялась бешено и страшно, мне хотелось ее убить... – Ты

ведь уедешь, завтра же! Смотри на меня! Посмотри! Алло! Ты слышишь?! Ты слышишь меня?!

Я молча смотрела мимо нее и качалась тихо-тихо, как ветер колышет последний ноябрьский лист. Я прекрасно ее слышала, но у меня не было сил говорить, просто не было. Потом я услышала ее спокойный голос:

– Алло! Здравствуйте! Это психиатрическая помощь? У нас девушка себя неадекватно ведет...

На этих словах я поднялась и стала драть ее за волосы, она смеялась в ответ и совсем не сопротивлялась; как в тумане, я увидела лицо мужа, он молча отстранил меня от нее. Голоса не было. Сил тоже. Я продолжала смотреть вдаль с 8-го этажа чудовищной для меня квартиры.

Диалог 5-ый. Мимозные пятна

Когда-то моими любимыми цветами были мимозы – такие же редкие и хрупкие, как настоящая женицина. Наступил мимозный женский день. Куда ни глянь – на серых питерских улицах «достоевским» грязным пятном желтеют цветы. Впервые в жизни я их возненавидела. От них не было спасения. Моя призрачная питерская подруга и уже не мой муж нашли друг друга. Я больше не могла находиться в той квартире. Мой голос растворился, как последние надежды на новую жизнь. Я предала всех, и меня все предали забвению. Иду по городу в никуда. В руках несу отвратительные желтые цветы.

– Девушка, с вами все в порядке? – какой-то незнакомый серый человек окликнул меня. В этот момент я шла по чужому городу и тихонько напевала: «Здравствуй, как ты живешь? Быть может, нам по пути...» Я устало подняла глаза на незнакомца и безучастно пробормотала своим осипшим голосом:

– Нет, со мной не все в порядке... Со мной совсем не все в порядке...

– Что случилось? Может, вас проводить?

– А мне некуда идти... Я на белом свете живу... Помните... Так живут все поэты... – горько ухмыльнулась.

– Ну, что случилось? Я могу чем-то помочь?

– Ага, можете. Меня можно убивать, насиловать, издеваться – я вам только спасибо скажу, – парень выглядел совсем не агрессивно, глаза чернели в темноте, но даже в темноте видна была его добрая улыбка.

– Ну...хватит уже этих самобичеваний. Колись уже...

–Да я сама во всем виновата, – сквозь всхлипы неуверенно полились слова. Я приехала сюда из Риги к моей виртуальной подруге. Мой муж любит ее, а мне идти некуда.

–Дети есть? – парень сплюнул.

– Да... есть... Да Вы не смотрите на меня так, я не наркоманка, просто голос куда-то от переживаний делся. И вообще это все рассказать невозможно, я сама заварила эту кашу... У меня у самой совсем недавно была любовь с Иркутском, а сейчас я вкушаю достойную месть.

– И что дальше?

– Да ничего. Все банально. Я не могу больше об этом говорить... Я так хотела увидеть Байкал... А сейчас мне надо возвращаться в эту квартиру. И моя бедная доченька...

– Ну и дуреха же ты... Куда теперь ты денешься? – нерешительно брякнул он.

– А никуда... Я сегодня собралась в Ригу уехать. Купила еще один билет. А потом мой муж и подруга куда-то ушли и не отвечали. Я не могла спокойно уехать, мы с ее мужем все больницы и морги обзвонили. Как знать... что там произошло. Я остановила автобус на «скаку», крикнула водителю, чтоб «остановил самолет – я вылетаю». Вот теперь иду.

А они уже дома, там все хорошо. Зачем я осталась?! Иногда мне кажется, что я очень люблю боль. Иркутск... Байкал... А сегодня 8 марта. Дурацкий цветок... (Швырнула цветок в канал).

– Слушай, я ничего тебе не сделаю. Пошли ко мне. Правда, я в общежитии живу. Там живет еще моя девушка, она понятливая. Ты стой ровно... я тебе сейчас кое-что скажу... Я сам из Иркутска, – улыбался парень.

– А звать-то тебя как? Этого не может быть! – у меня даже слезы высохли. Еще внимательнее стала всматриваться в него, как будто все люди оттуда должны нести на себе печать того иркутянина.

– Серега. Хочешь, я отвезу тебя на Байкал? Следующим летом. Этим не смогу... Я обещаю, – просто и бесхитростно произнес мой новый знакомый.

– О Боже... Вот так вот обещаешь девушке, которую в первый раз видишь. Я ведь могу поверить... Я ненавижу обещания. От них веет слезами.

– Я живу в Питере со своей девушкой, а летом мы всегда едем в Сибирь, в Иркутск, к нашим родителям.

– А твоя девушка ничего не скажет? – не унималась я.

– Нет, что ты... у меня умная девушка... Кстати, держи, – протягивает фотографию, – это Байкал. Это тебе с 8 марта. Там, кстати, написан мой e-майл. Не пропадай... Найди меня.

– Спасибо... Это лучшее, что сегодня было. Но я все же

должна пойти к ним.

Диалог 6-ой. Голос из несуществующего далёка

Утром в квартире № 66 не было никого. Я долго смотрела на улицу. Призрачное мутное окно качало мартовский пейзаж. Одинокая дымка бережно окутывает сумрачные улицы. Мне хотелось скрыться за тучу, как незаметное солнце сегодняшнего дня. Я не знала, куда деться от удушающего приступа вины. Иркутянин продолжал выклеивать сердце. Тихая боль плавно перерастала в ненависть. Хотелось закрыть глаза, произвести обыск сердца и забыть все... «Сделайте так, чтобы его не стало...» «Как же вы не понимаете, что тогда не станет меня», – как глупо и пафосно мое сердце причитало. Я не выдержала и набрала ЕГО номер... Гулкие гудки отдавались в груди. Я ждала. Чего я хотела?! Мои нелогичные действия скоро станут нормой последних дней.

– Привет... – каким же непослушным стал мой голос, безысходная хрипотца зависла в проводах.

– Кто это? Говорите! – знакомый низкий голос говорил совершенно по-чужому. Он меня не узнал.

– Это Ира... Та самая безумная Ирка из Риги. У меня просто пропал голос, – я не смогла удержаться слез.

– Откуда ты звонишь? – никакой романтики в голосе не было, сплошная озабоченность.

– Я сейчас в Питере. Ты мне сломал жизнь, – голос казался ужасным, от всхлипываний появились неестественные высокие нотки, зачем я говорю это... всегда презирала эту тупую пафосную фразу.

– Да я просто общался... Придумала себе любовь какую-то... Возьми себя в руки. Обратись к психологу что ли...

– К психологу? – нервно смеюсь, – конечно... меня можно унять и заткнуть. Вот сейчас мой муж ушел со своей возлюбленной в ночь. Я не знаю, что мне делать... Зачем все это было?!

– А ты сейчас где?

– Я в ее квартире.

– Чёрт... У меня могут быть неприятности... – как же омерзительно было слышать страх в его голосе.

– Это даже не смешно... Ладно, прощай, трус... Какой же ты трус... – даже легче на душе стало... Таких любить просто нельзя.

– Подожди, не клади трубку, – в его голосе мне послышалась мольба и искренность. Наверное, только послышалась...

– Да? Что еще?

– Прости меня...

– Ч-чёрт... Прощай... – голос не слушался, я пыталась кричать, – я все равно увижу Байкал.

Как же мне хотелось кого-нибудь ударить... А лучше, чтобы ударили меня. Как же многого он не знал... Да и нужно

ли это ему было?!

Диалог 7-ой. Я перестал доверять сам себе

Прошел скользкий месяц. Я постоянно балансировала между сном и явью. Я много спала; словно медведь в берлоге, мне вообще не хотелось просыпаться. Месяц стекал с меня, слизывая последние капельки надежды. Муж молча собрал вещи и ушел из дома. Все это время меня поддерживал тот самый питерский прохожий Серега, который обещал свозить меня в Иркутск. Сейчас мне было не до этого. Моя доченька вытирала мне слезы своим тигренком и приговаривала, что она рядом. Я глотала свою вину и боль перед ребенком, не в силах справиться со своими настроениями. Сегодня приехал муж к дочке.

– Привет! – буркнул муж, глядя куда-то в сторону, – у тебя можно зайти в Интернет?

– Да... Конечно...

Я наблюдала за его движениями. Он открыл привычную страничку сборища «чертога убитых», начал что-то лихорадочно писать. Наверное, он хотел написать письмо ЕЙ. Я вышла из комнаты и села на пол. В бессилии я закрывала свое лицо.

– Чего ты так уселась?

– Ты пришел на полчаса к ребенку. Неужели ты не можешь ответить ей из дома? (Что-то я не припомню, чтоб я на твоих

глазах слала ему письма).

– Глупая ты... Вот глупая... Я же писал тебе...

– Да? Вот она я. Можешь мне всё сказать. А вообще я могу сама тебе все озвучить за тебя... Я больше не могу молчать. Я устала ждать. Я устала быть виноватой. К чёрту... Иди к ней и не мучай меня...

– Подожди, я хотел сказать совсем другое...

– Что? Очень удобно иметь жену в одном городе, а любовницу в другом... Они ведь не пересекаются, да? Это же твои были слова... И вообще ты теперь всегда можешь оправдаться тем, что я первая начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.